

Пролог

Острые ветки царапали лицо и руки, злые струи дождя хлестали в глаза. И все же она продолжала бежать. Вернее, не бежать, а идти, вперед и вперед, потому что назад оглядываться нельзя. Несколько раз ей казалось, что за спиной раздаются тяжелые шаги, но она не оборачивалась. Быстро передвигаться мешал огромный живот, и единственное, что пугало ее больше, чем быть пойманной, были роды в лесу, да еще в такую отвратительную погоду! Если бы удалось выбраться к шоссе, она была бы спасена: наверняка кто-нибудь из водителей согласился бы доставить ее в ближайшую больницу. Однако проблема в том, что беглянка не знала, в правильном ли направлении движется. Если бы поблизости проходила железная дорога, она пошла бы на звук проходящих поездов, но кроме шума дождя, барабанившего по кронам деревьев, сквозь густоту которых не видно неба, да раскатов грома, время от времени заставляющего сжиматься в комок, ничего не было слышно.

Но вот лес стал редеть. Она ускорила шаг и теперь буквально не чувала под собой ног. Возможно, она выйдет к населенному пункту, а уж

там-то ей обязательно помогут, и этот кошмар закончится!

Фары ударили в лицо неожиданно, ослепив и лишив ориентации. Она попыталась отступить, но поскользнулась и, неловко взмахнув руками в воздухе, рухнула на мокрую дорогу. Последним, что она услышала, был оглушительный визг тормозов, как будто по стеклу прошла циркулярная пила.

— По календарю индейцев майя, до конца света осталось меньше трех месяцев! — радостно вещала симпатичная девушка с экрана телевизора. — Во всех странах мира идет подготовка к этому знаковому событию...

Я покачала головой и приглушила звук.

Какой бы деятельной и энергичной ни была женщина до беременности, по прошествии нескольких месяцев после зачатия она становится ленивой и медлительной. Но когда я носила Дэна (а мне еще не исполнилось девятнадцати), я бегала повсюду, как юная антилопа, не зная усталости. Так продолжалось до последнего дня беременности, когда Лариска позвонила моим родителям из деканата и радостно сообщила, что меня везут в роддом прямо с лекции по гистологии. Через три часа я уже «отстрелялась». На сорок третьем году жизни, неожиданно-негаданно, я снова «залетела»! Мама была в шоке.

— Боже, это же так опасно! — воскликнула она, глядя на меня, словно я являлась экспонатом в Кунсткамере.

— Аборт еще опаснее, — заметила я.

— А кто говорит об аборте?! — тут же возмутилась мама. — Я же о твоём здоровье беспокоюсь: разве в таком возрасте рожают?

Рожают сейчас в любом возрасте. Хотя, конечно, риски по медицинским показателям значительно возрастают по мере старения организма. Тем не менее, раз уж я умудрилась зачать, придется принять последствия. Теперь я даже нахожу положительные моменты в своем нынешнем состоянии, правда, еще несколько месяцев назад приходила в ужас от перспективы вторично стать матерью. Самое главное, я понятия не имею, *чей* это ребенок! После предательства первого мужа Славки я думала, что уже никогда не смогу доверять мужчине. Я встретила Олега Шилова, когда совершенно отчаялась что-то изменить в своей беспросветной жизни. Он стал мне опорой, мы поженились, и я решила, что отныне ничто не сможет нарушить нашего безоблачного счастья. Я работала анестезиологом в больнице, которой отдала почти двадцать лет жизни, а Олег заведовал там отделением ортопедии и травматологии. Затем произошло мое знакомство с еще одним человеком, оказавшим огромное влияние на мою судьбу и профессиональную карьеру: я встретила Андрея Лицкявичуса, блестящего челюстно-лицевого хирурга и главу Отдела медицинских расследований, несколько лет назад образованного при губернаторе Санкт-Петербурга. Сама будучи врачом и не понаслышке знающая о врачебных ошибках и прочих проблемах, с которыми приходится сталкиваться пациенту и медику в нашей далеко не совершенной системе здравоохранения, я впервые осознала, как часто больные и врачи оказыва-

ются по разные стороны баррикад. Ни для кого не секрет, что в нашей стране много отличных специалистов, делающих свое дело с душой и ответственностью, какую предполагает врачебная профессия. Хватает и тех, кто пренебрегает принципами и печется лишь о наживе. Отдел медицинских расследований, или ОМР, начинает работать там, куда по причине закрытости медицинского сообщества не рискуют влезать полиция и общественные организации. Однажды приняв участие в деятельности ОМР, я впоследствии стала его активным членом, познакомившись с замечательными людьми. Общение с ними заставило меня вновь поверить в то, что в мире существует справедливость. Андрей стал моим боссом, но до недавнего времени мы оставались лишь друзьями и, как смеется он сам, «товарищами по партии». Ни он, ни я не делали попыток к сближению, хотя, как мне кажется, с самой первой минуты нас тянуло друг к другу. Я воспитана в строгости и никогда не позволила бы себе «похода налево», если бы Олег сам не нарушил брачных клятв, вступив в связь с давней приятельницей. Узнав об этом, я перестала сопротивляться влечению к Андрею, и мы стали любовниками. А чуть позже выяснилось, что я беременна¹. Ребенок может быть как от мужа, так и от Андрея, и я не узнаю об этом, пока не рожу и не сделаю анализ ДНК.

¹ Читайте об этом в романе И. Градовой «Вскрытие покажет».

Моему сыну Дэну Олег никогда не нравился. Поначалу мне казалось, что дело в ревности, ведь Шилов занял в моей жизни важное место, и сын мог подумать, что его отодвинули на второй план. Тем не менее он любит и уважает Андрея, и мое предположение, таким образом, нельзя считать верным. Скорее всего, проблема в том, что Олег никогда не старался стать для Дэна другом, а у Андрея это вышло как-то само собой. Мама обожает Олега, и я ее понимаю. Шилов — хороший человек, несмотря на некоторые недостатки, но кто, скажите, их не имеет? Мне самой порой кажется, что я состою из одних только недостатков — просто ума не приложу, что Шилов и Лицкявичус во мне нашли! К счастью, даже мама понимает, что именно мне, а не ей, жить с одним из моих мужчин, поэтому старается не слишком напирать. И все же укоризненные взгляды, которые она время от времени на меня бросает, говорят сами за себя. Андрея мама недолюбливает: за время работы в ОМР я несколько раз оказывалась в сложных ситуациях, и ей кажется, что в этом виноват Андрей. Но он человек взрослый и самостоятельный, и мнение моей мамы хоть и принимает в расчет, но не позволяет ему руководить собственными поступками.

Так что теперь у меня три основные проблемы. Во-первых, надвигающиеся роды: не представляю, как я это переживу — и переживу ли вообще! Во-вторых, предстоящее объяснение с Олегом. До сих пор я трусливо скрывалась в квартире у мамы и отказывалась что-либо ему

объяснять. Так долго продолжаться не может, и мне придется встретиться с мужем и поговорить по душам. И наконец, последнее: чьего же все-таки ребенка я собираюсь произвести на свет? Если ребенок от Андрея (кстати, он дал понять, что ему все равно, даже если отцом является Шилов), то все в порядке. Но что, если я беременна от мужа? Эта мысль не дает мне покоя, и я просыпаюсь по ночам, думая об этом.

Звонок в дверь прервал мои размышления. Я пошла открывать, недоумевая, кто бы это мог быть в такой поздний час. На пороге стояла соседка по лестничной клетке, Люсьена. Лицо ее было встревоженным, а в руках она нервно теребила полотенце, неизвестно зачем прихваченное с собой.

— Агния, извините, что так поздно... — проговорила она, запинаясь. Ее взгляд упал на мой живот, и она почувствовала себя еще более неудобно. — Моя свекровь, Ольга Сергеевна...

— Что, с сердцем плохо? — спросила я. — Вы «Скорую» вызвали?

Соседка бросила на меня странный взгляд.

— Ей и в самом деле плохо с сердцем, — ответила она неуверенно. — Но она отказывается от «Скорой»...

— То есть?

— Видите ли... Агния, вы не могли бы зайти? Ну хоть послушаете ее, пульс там... Может, и ничего страшного, а?

Прихватив стетоскоп и тонометр, я поспешила за Люсьеной. Старушка оказалась не в столь уж тяжелом состоянии, но она, судя по всему,

перенервничала, а потому давление здорово подскочило. Дав Ольге Сергеевне капотен, я прошла на кухню за Люсьеной. Меня удивило, что женщина аккуратно прикрыла за нами дверь. Тяжело вздохнув, она опустилась на стул напротив дивана, на котором устроилась я.

— Только вы Антону не рассказывайте, пожалуйста, — она страшно боится, что он узнает!

Антона, мужа Люсьены, я вижу крайне редко и с трудом могу представить себе тему беседы с ним — мы едва здороваемся! Об этом факте я и напомнила Люсьене. Испустив еще один вздох, она сказала:

— Видите ли, тут такое случилось... Даже не знаю, с чего начать! Короче говоря, вчера свекровь ходила в поликлинику...

* * *

— А сегодня утром ей позвонили — якобы из поликлиники, — говорила я, раскладывая по тарелкам еду. Дэн пришел не один, а с Денисом и Шуриком, с которыми в последнее время сблизился. Денис, сын моей покойной подруги, тоже врач — вернее, ординатор, а Шурик — вундеркинд-вирусолог, однажды в прямом смысле слова спасший мне жизнь¹. Отец Шурика тогда умер, подхватив вирус, против которого он с бригадой ученых пытался найти вакцину, но «эстафету» подхватил его приемный сын. Все парни очень разные. Мой сынуля — мальчик

¹ Читайте об этом в романе И. Градовой «Вакцина смерти».

несколько богемного склада, чему в немалой степени способствует род его занятий. Дэн — художник и учится на компьютерного дизайнера, хоть мне и не слишком нравится его перспектива работы в клубах и прочих увеселительных заведениях. Дэн уже сейчас вхож во многие клубы города, поэтому за его карьеру я спокойна — чего не скажу о круге его общения. Однако Денис и Шурик — лучшие, с кем он мог бы подружиться. Денис сильный, прекрасно физически развитый, обожает спорт, в особенности экстремальный. Некоторое время назад мне немало труда стоило оторвать его от боев без правил, где он мог бесславно окончить свои молодые дни. Шурик, погруженный в науку, загадочен, язвителен и умен, и все же он как-то нашел общий язык с Дэном и Денисом. Таким образом, в этот день за моим столом одновременно оказались три симпатичных представителя молодого поколения мужеского пола, и передо мной стояла нелегкая задача их накормить.

— Так вот, — говорила я, — в поликлинике Ольга Сергеевна сдала анализы, а сегодня утром ей позвонили и сказали, что анализы плохие и что врач скоро подъедет, чтобы провести консультацию.

— Ого! — ухмыльнулся Денис. — Как бодро, оказывается, работают наши поликлиники с пенсионерами — и чего, спрашивается, все жалуются?

— Ну, это же нам с тобой понятно, что так не делается, — возразила я. — А старому человеку,

незнакомому с системой? Да и мозг в таком возрасте работает не столь быстро, как у молодых...

— И что дальше? — поторопил меня Дэн. — Врач и в самом деле приехал?

— И десяти минут после звонка не прошло!

— Оперативно, — подал голос Шурик. Я успела заметить, что он немногословен. Это качество, несвойственное молодежи, сильно отличает его от сверстников. Вероятно, такое поведение — следствие детства, проведенного в детском доме: настороженность и постоянное ощущение опасности и соперничества, привитые там, ничем не вытравить.

— Да вы ешьте, ешьте, а то остынет! — сказала я.

Некоторое время в комнате слышался только стук ножей и вилок. Люблю, когда моя стряпня оценена по достоинству, а что может лучше сказать кухарке о ее успехе у едоков, как не пустые тарелки? Пока они ели, я с удовольствием разглядывала ребят. Шурик и Денис светловолосые, но у первого глаза карие, а у второго — светло-серые. Что же касается Дэна, то чувства матери делают меня не вполне объективной, но тем не менее мой сын — красавчик, и этого не отнимешь! Черные волосы, яркие голубые глаза, доставшиеся ему от папаши, правильные черты лица вкупе с высоким ростом и гибким, сильным телом — все это заставляет меня опасаться, что Дэн раньше времени сделает меня бабушкой. Учитывая тот факт, что я готовлюсь стать «молодой мамой», данная перспектива

меня не радует! В двадцать лет, по моему мнению, рановато задумываться о детях... С другой стороны, я родила Дэна раньше. За последние четыре года в нашем доме перебивали десятки девушек и даже вполне взрослых женщин, многие из которых мне нравились, но ни с одной из них у Дэна не сложилось серьезных отношений.

— Ну так что с поликлиникой-то? — спросил сын, отвалившись на спинку стула и устремив на меня взгляд сытого кота. — Ты сказала, врач приехал быстро?

— Да не один, а сразу двое! — подтвердила я.

— Двое?! — выкатил глаза Денис.

— А потом начались странные дела, — продолжила я. — Старушка, конечно, сбивчиво рассказывала, да еще и боялась, что сын узнает... Но невестке удалось из нее кое-что вытянуть. Эти самые «врачи», едва войдя в квартиру, сразу блокировали Ольге Сергеевне пути к отступлению: один встал около телефона, а второй втолкнул ее в комнату и принялся заливать о том, что у нее, дескать, очень плохие анализы, и ей срочно нужно приобрести лекарства — буквально, чтобы не помереть на месте!

— И она купилась? — изумился Дэн.

— Купишься тут, — вмешался Шурик, — когда два мужика на тебя «наезжают» и прижимают к стенке!

— Именно! — согласилась я. — Она пробовала сказать, что ей нужно посоветоваться с сыном, но они принялись увещевать ее, говоря, что лекарства подобраны по показаниям лично ее врачом, представляете? Они знали его имя,